

лизм—А. Р.), миролюбив, а его пацифизм может повредить ему самому»²⁸. Томас Манн подчеркивает, что фашизм — это война, а социализм — это мир, объявляя клеветой утверждения буржуазной европейской прессы о будто бы грозящей миролюбивому Западу красной опасности с Востока. «Может быть, у меня нет достаточных оснований бояться исходящей от России угрозы капиталистическо-бюргерскому общественному устройству; так как я — не капиталист. Но я ясно понимаю, что от России не исходит никакой угрозы тому, что является самым главным, а именно — миру. Это не Россия через 20 лет после мировой войны принуждает Европу громадные суммы применять не в мирных целях, а на вооружение; это — дело фашизма и его так называемой динамичности. То, что мир не может прийти к спокойствию и процветанию, это — его дело, а не социализма»²⁹.

Именно в середине 30-х годов Томас Манн решительно отказывается от своих любимых мыслей о независимости духа от политики, мыслей, свойственных ему в первые десятилетия его творческой деятельности. Интерес писателя к философии, к ее развитию в Германии и Европе в 20-е годы, к эволюции идей, духа, умение Томаса Манна мыслить ясно и логично и не бояться идти в пересмотре и преодолении своих иллюзий до конца заставила его со всей определенностью заявить, что политика стала «делом каждого», что теперь «башня из слоновой кости» является «анахронистической глупостью», что тот художник, который теперь, когда политика так близко касается интересов каждого, попытается остаться от нее в стороне, не только не сможет создать ничего ценного (*Lebehstaugliches*), но поставит под удар и свое раннее творчество³⁰. Томас Манн не боялся заявить, что его позиция «аполитичного» в начале 20-х годов не выдерживает критики.

Отталкиваясь от политических интересов дня, Томас Манн ставит и принципиально важный вопрос об ответственности духа за практическое применение философских, отвлеченных идей. Рассматривая свой собственный опыт «аполитичного», Томас Манн справедливо полагает, что уклонение от политики, аполитичность бюргерского духа в Германии объективно способствовали фашизации страны. «Доценты иррационального» воспитывали в народе невосприимчивость к жестокости, проповедники эстетизма в 20-е годы расчищали дорогу политическому варварству. «Я осознал вину духа», — не раз будет в 30-е годы писатель возвращаться к этой мысли³¹. Именно в этих последних предвоенных годах следует искать истоки одного из главных лейтмотивов знаменитого романа Томаса Манна «Доктор Фаустус», в котором родственность эстетизма и варварства, вина «духа» перед жизнью, трагичность одинокого, стерильного существования художника вдали от общечеловеческих и политических проблем будут не декларированы, а художественно воплощены в судьбе немецкого композитора Леверкюна.

Четко сформулирована эта позиция Т. Манна в статье «Культура и политика»: «Аполитичность есть не что иное, как попросту антидемократизм, а что именно это означает, каким самоубийственным образом дух, став на такую позицию, бросает вызов всему духовному, обнаруживается с необычайной ясностью на крутых поворотах истории»³². Конечно, заявления, подобные этому, приводили в негодование не только «доцентов иррационального», но и прежних единомышленников Томаса Манна, которые всю жизнь поминали ему его «Рассуждения аполитичного», отказывая их автору в праве на доверие.

Особенно широкое распространение уже в послевоенные годы получило небольшое выступление Томаса Манна в 1943 г. со знаменитым заглавием: «Антибольшевизм — главная глупость нашей эпохи». В годы «холодной войны», когда надежды Т. Манна, не раз им выраженные, на союз Америки и России, «демократии» и «социализма» не сбылись, Томас Манн продолжал, как и в 30-е годы, предостерегать западные государства от необоснованного страха перед коммунистической экспансией. Хотелось бы подчеркнуть, что мысль, выраженная в заглавии статьи («Антибольшевизм — главная глупость нашей эпохи») возникла не в результате общественной деятельности Томаса Манна в 40-е годы. Она в эти годы только получила мировой резонанс. Приведенные в данной работе высказывания писателя 30-х годов показывают, что это было одним из стержневых положений его публицистики с самого начала эмиграции. Великий немецкий писатель подтвердил основные положения этой статьи в ответе Э. Хильшеру в 1953 г., в ответе, который здесь может быть использован в качестве резюме: «...Я не коммунист. Часто цитируемое изречение: „антибольшевизм есть главная глупость нашей эпохи“ означает не что иное, как то, что осуществление отдаленных целей человечества: мировое правительство, совместное управление землей и ее богатствами, мир между народами, все это нельзя себе представить без коммунистических черт»³³.

²⁸ Th. M a n n. Соч., т. 12, стр. 814.

²⁹ Там же, т. 12, стр. 815.

³⁰ Там же, стр. 761—763.

³¹ См. статьи «Культура и политика» (1939), «Испания» (1937), «Этот мир» (1938) и ряд других работ.

³² Т. М а н н. Собр. соч. в 10 томах, т. 9, стр. 291.

³³ Th. M a n n. Briefe 1937—1947, Berlin, 1965, стр. 244.